

Рег. клуб - 1995 - 2 экз - с 7
Роман ВИКТЮК:

«И сегодня дьявольское зло берет на вооружение красоту»

— Роман Григорьевич, было у вас в детстве событие, которое помогло осознать, что театр, режиссура — именно ваш путь?

— Вообще-то это не путь; путь можно выбрать, гораздо сложнее разгадать свое предназначение... Знаете, за несколько недель до моего рождения мама пошла в Львовский оперный театр на вердиевскую «Травиату». Началась увертюра, и я, еще не родившийся, стал реагировать на музыку столь резко и бурно, что мать пришлось увести из театра.

Мне было лет двенадцать, когда на базаре цыганка, взглянув на мою ладонь, сказала: «Этот будет дирижером». Мама заметила: «У него совсем нет музыкального слуха». «А я говорю: будет», — настаивала цыганка, которой, скорее всего, было неизвестно слово «режиссер».

— Многие ваши спектакли с трудом пробивались на сцену, иные были запрещены. Как вы вспоминаете эти беды?

— После Ролана Быкова, Марка Захарова, Юткевича в Студенческий театр МГУ главным режиссером пришел я, окаянный. В то время партокм требовал постановок о целине, о БАМе, о так называемом «советском патриотизме». Я же сразу поставил «Уроки музыки» Петрушевской, пьесу, не прошедшую цензуру. Она вскрывала болезненные точки общества, напрямую говорила о лжи, фальши, в атмосфере которой все мы существовали. Играли «Уроки» без разрешения; и на своей сцене, и на разных площадках — все дальше и дальше от центра Москвы; газеты, в том числе центральные, горячо хвалили спектакль. Анатолий Эфрос в «Литературке» вообще написал, что это один из лучших спектаклей за последние 25 лет (мне бесконечно дорога его оценка). И «други» — миссия горкома партии, за ним райкома, соответственно и парткома МГУ: «анти-советчина». Мне немедленно предложили подать заявление «по собственному».

Затем в Калининском театре имени Ленинского комсомола, куда я приехал как главный режиссер с курсом выпускников Щукинского училища и куда сразу началось массовое паломничество местной молодежи, этот «разгул демократии» был квалифицирован как идеологическая диверсия. Меня быстро «освободили». «Царскую охоту» Леонид Зорина в Театре имени Моссовета приходили смотреть члены Политбюро; в спектакле усматривались диссидентские мотивы, о которых я даже не помышлял.

— Теперь вы в своих спектаклях отыгрываетесь за прошлое?

— Не отыгрываюсь, а просто рассчитываюсь с ним. Приехав на «новую станцию», я обязан сказать той, прошлой жизни: «Прощай!». В спектакле «Наш «Декамерон», например, меня волновала тема власти: власть — проститутка,

Режиссура Романа Виктюка эпатирует, вызывает восторги и негодование, изумление и ощущение фантазмагоричности. Более ста его постановок не похожи ни на что другое, как не похожи и одна на другую. У него оригинальнейшее видение, его арсенал — необычная драматургия, парадоксальность режиссерских решений, яркая актерская пластика и полное отсутствие боязни, что «не так поймут». Сегодня этот мастер, занимающий особое место в современном театральном мире, — гость редакции «Вечернего клуба».

годами считавшая себя порядочной дамой, а те, кто внизу, — лишь ее жертвы.

— Так все же: вы считаете свою творческую судьбу горькой или удачной?

— Мне порой кажется, что в каждого из нас вложена определенная программа. Помните миф о том, как первые люди были изгнаны из рая? Театр для меня как бы стал воспоминанием об утраченном рае... И какие бы ни происходили повороты в судьбе, худшие и лучшие, важно осознавать, что это преднамеренное испытание, проверка на духовную стойкость, а не просто функционирование тех или иных земных должностных лиц. Я стойко воспринимаю удары судьбы, зная, что впереди будет и удача.

— Неужели вы никак не ощущаете роль государства в этом процессе?

Как же, как же. Государство представляет мне структурой, расставляющей искусство, театру в частности, канканы. Оно стремится поглотить тебя, уравнивать со всеми. Сейчас театр отвечает за себя сам, экономически он не нужен ни какой-либо партии, ни народу, ни государству. И вся нынешняя Россия представляется мне своеобразным полигоном проверки человека, она словно ищет ответ на вопрос: есть ли смысл в продолжении жизни? Подытоживая сказанное, я с уверенностью заявляю: судьба моя складывается замечательно, потому что я выполняю то, что мне предназначено. Я не поставил ни одного спектакля в угоду системе, которую следовало обслуживать.

— Можно считать, что открылись перспективы совершенно свободного творчества?

— Вот перед нами еще один ложный лозунг. Свобода — это вовсе не осознанная необходимость. Свобода — внутреннее состояние. Все зависит от человека: верит ли он в то, что внутренне свободен. «Жить свободно» — чрезвычайно трудное дело. Вот, скажем, сейчас всем «дали» свободу, и оказалось, что многим она просто не нужна, они не знают, что с ней делать. До свободы еще надо дорастать!

— Тезису Достоевского «Красота спасет мир» в большой степени соответствует ваш спектакль «Служанки» по пьесе Жана Жене, где эстетизм сопряжен с фи-

лософией духа. Речь в «Служанках» идет о том, как непросто постичь духовное начало, я правильно поняла? Вот и сегодня: театры вроде бы освободились от министерских, партийных пут, но как отделаться от шлейфа бюрократии? Подчас внутренних цензор у деятелей искусства куда жестче, чем опекавшие культуру чиновники.

— В нашем «поезде» действительно немало «пассажиров от искусства», которым никогда не «впрыгнуть» в духовность. Они пышут злобой к свободе. У таких «работников искусства» злость двойная: бюрократизм плюс собственное рабство. Помните, у Блока: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос»? По утверждениям философов начала века, Блок ошибся, не разглядев, что то был антихрист, дьявол. Думаю, и сейчас дьявольское зло берет на вооружение внешние признаки красоты и гармонии, прикрывая хаос небесным покрывалом. На моих глазах гибнут талантливые люди, непонятно попадаясь в такие сети. Эти режиссеры гонорили: «Два спектакля поставлю для них, зато один — полностью для себя». Но шли годы, и «для себя» они ничем не стали и кончались как творцы.

— Не устали от кочевой жизни, Роман Григорьевич?

Не так давно спектаклем «М.Баттерфляй» открылся «Театр Романа Виктюка». Пока мы арендуем для репетиций помещение в Театре киноактера. Выжить страшно трудно, хотя пока нам на существование хватает.

— Позвольте спросить о спектакле «М.Баттерфляй», вызвавшем, кроме восхищения, и насмешки, и нападки?

— Ни перед кем не собираюсь оправдываться, ибо верю в то, что делаю. Думаю, не стоит обижаться на тех, кто видит в пьесе американского драматурга Дэвида Хуана лишь сюжетную канву: французского дипломата и его любовницу китайку, которая к тому же оказывается мужчиной. Нужно набраться терпения и ждать, возможно, люди увидят в нашем спектакле вечные проблемы духа, любви, красоты, откроют для себя нечто глубинное. И тогда их перестанет волновать один-единственный вопрос: как занимались любовью эти персонажи? Автор, между прочим, откровен-

Гость «ВК»

но иронизирует над подобным амёбным любопытством», не давая никаких разъяснений по этому поводу. Пьеса «М.Баттерфляй» с огромным успехом обошла сцены многих стран; но у нас ее с большим скрипом пускали на сцену. Министерство, тогда еще союзное, высказалось категорически: «Нецелесообразно».

— Интересно, вы помните свою самую первую постановку?

— Ну еще бы: во Львове, пьеса драматурга Шмелева (по повести Ларисы Васильевой) «Все не так просто». Это символическое название преследует меня всю жизнь.

— А что вы закончили (имею в виду специальное учебное заведение), кто были ваши учителя?

— Я выпускник ГИТИСа. Учил меня маститый мхатовец Василий Александрович Орлов. А также Мария Николаевна Орлова, Ольга Александровна Якубовская, Всеволод Порфирьевич Остальский. Бесконечно благодарен им и Галине Петровне Рождественской, которая ввела меня в мир музыки. Вообразите, я играл на рояле Рахманинова! Невероятно, но факт! Притом вспомните слова моей мамы: «У него совершенно нет музыкального слуха». Галина Петровна пела вместе со мной, и, если бы не она, я никогда бы не исполнил арию Каварадосси из «Тоски», арий из «Паяцев», из оперетт Легара, Кальмана (не поверите, но я пел Эдвина!), не научился бы брать си бемоль второй октавы! Меня в конце концов даже стали переманивать на факультет музкомедии!

— У вас в спектаклях часто заняты вахтанговские актеры: Людмила Максакова, Юлия Рутберг, другие. Принимаете ли вы вахтанговское определение сути существования актеров на сцене: «Плакать самими разноточными слезами и нести их на рампку»?

— По-моему, это сильно упрощенная и чересчур вольная трактовка. Этому очень легко научиться. В сущности почти любая женщина способна вот так взять и заплакать; сие вовсе не означает, что она способна быть актрисой. К тому же в вокале просто невозможно плакать, если берешь высокую ноту. Нет, искусство — прежде всего воображение, погружающее либо внутрь самого себя, либо в мир иллюзий. Зритель должен пребывать НАД ситуацией, которую предлагает драматург и раскрывает актер. Необходим элемент созерцательности (то, что есть в музыке Баха), ибо созерцание всегда связано с духовным началом.

— Многие считают, что вы отдаете предпочтение мимике, жесту, танцу, звуковым эффектам, а смысл произведения для вас как бы второстепенен?

— «Многие» — это, надо понимать, профессиональные критики? Что делать, я не виноват, если у одного критика не все в порядке со слухом, у другого не совсем развит глаз, у третьего вообще нет в организме устройства, воспринимающего искусство, я уже не говорю о восприятии поисков режиссера.

— Почему для своей первой постановки в США вы выбрали «Рогатку», пьесу Николая Коляды, тогда еще почти не известного уральского драматурга?

— Мы собирались ставить тургеневскую «Где тонко, там и рвется». Но буквально за несколько дней до отъезда я получил пьесу Коляды и решил ставить ее. Предстояло убедить американцев. С художником Владимиром Боером мы сделали новый макет, в Голливуде просмотрели более 70 актеров, отобрали троих: теперь они в США звезды, играют на Бродвее.

«Рогатка» привлекла проблемой одиночества, тоски, внутреннего поиска. Взаимоотношения трех молодых людей заканчиваются трагически, но в пьесе все же торжествует любовь, добро, справедливость.

— Что ждете вы от 1995 года, Роман Григорьевич?

— Надеюсь доделать все, что начато в предыдущем году. Это «Философия в будуаре» маркиза де Сада, это тургеневский «Месяц в деревне», который я обязан выпустить в Риме, с великой актрисой Валерией Марафоне... Я должен сохранить в себе силы и веру. Боюсь утратить потребность любить. Потерять любовь. Без нее исчезнет все... На той станции, куда мы приехали, должен раздаться свисток или некий аккорд — для нашего дальнейшего движения. Может быть, звук органа... О свободе не нужно рассуждать. Ею нужно дышать. И еще сегодня — вопрос в том, как уплотнить время, чтобы успеть сделать как можно больше.

Гостя принимала
Марианна ПЕНЬКОВА.
 Фото
Александра КОЧЕТОВА.